

СЕРГЕЙ СТАРИДИ

СВЕРЛО БОТАНИКА

Сектор
междисциплинарной
фитосемиотики

УНИЧТОЖИТЬ
ПОСЛЕ УТРАТЫ
ДЕНОТАТА

18+

Сергей Стариди

Сверло ботаника

<https://litres.ru/74536297>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ленинград, 1971 год. Студент-биолог Василий Егорцев получает в университетской библиотеке странную папку с резолюцией: «Уничтожить после утраты денотата».

Внутри — рассказ о ботанике Тихоне Лиственникове, решившем с помощью промышленного сверла доказать, что у любой ризомы всё-таки существует центр.

Есть лишь одна проблема: в рукописи упоминаются даты, которые ещё не наступили.

А потом страницы начинают размножаться. Примечания узнают имя читателя. Металлическая стружка оказывается текстом. И постепенно становится непонятно, кто кого читает — человек рукопись или рукопись человека.

«Сверло ботаника» — постмодернистская чёрная комедия о науке, желании порядка и тексте, который однажды отказался оставаться текстом.

Содержание

-	4
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Сверло ботаника

-

Ленинград, октябрь 1971 года

Дождь стучал в высокие окна Фундаментальной библиотеки. На повороте звякнул трамвай, и снова стало слышно, как за соседним столом переворачивают страницы.

Студент третьего курса биолого-почвенного факультета Василий Егорцев положил перед собой тетрадь, ручку «Союз» с золочёным пером и деревянную логарифмическую линейку. Через три дня предстоял colloquium у профессора Забелина. Василий разделил страницу на две колонки: «Строение» и «Функция». Провёл черту, остался недоволен и провёл рядом вторую, ровнее.

Наискосок сидела Тоня Лапшина из его группы. Она рисовала колосок тимopheевки, придерживая лист левой рукой. На указательном пальце у неё засохла капля туши. Василий собирался предложить ей после библиотеки пройтись до трамвая, но сначала следовало разобраться с корневым питанием злаков. Незаконченное дело портило ему любое удовольствие.

Библиограф Клара Савельевна подошла с картонной папкой.

— Егорцев? Материал по интродуцентам заказывали?

— Да.

— Шифр у вас сдвоенный. Один экземпляр в общем фонде, другой числится за сектором. Принесли этот. Работайте здесь, листы не вынимайте.

На обложке стоял штамп «Сектор междисциплинарной фитосемиотики» и резолюция химическим карандашом: «Уничтожить после утраты денотата».

— А это что значит?

Клара Савельевна посмотрела на резолюцию.

— Значит, пока не уничтожать.

Она поставила перед ним бланк выдачи. Василий расписался, машинально выровнял папку по краю стола и развязал тесёмки.

Внутри лежали машинописные листы, переложённые типографскими гранками. От бумаги пахло сыростью и чуть-чуть машинным маслом. В правом верхнем углу первого листа карандашом было написано: «Начало». Василий поискал номер страницы. Номера не было.

От составителей

Публикуемый ниже текст сохранился в нескольких списках, расходящихся преимущественно в сведениях о месте хранения и составе исследовательской группы. Орфография унифицирована. Повреждения рукописи воспроизведены там, где позволяют средства набора.

Поскольку попытки установить окончательное значение текста сопровождались утратой отдельных фрагментов и

одного сотрудника, настоящее издание ограничивается описанием разночтений. Вопрос о научной ценности утраченного сотрудника будет рассмотрен отдельно.

Примечания помещены после основного текста.

Василий усмехнулся. Кафедральный капуста. У них на факультете тоже писали подобное: «О влиянии стипендии на фотосинтез водорослей в общежитии». Только здесь шутка была какая-то недобрая.

Он перевернул лист.

Сверло ботаника

В воздухе университетской оранжереи номер четыре стоял густой, почти осязаемый запах перегноя, скипидара и застарелого мужского воздержания.

Тихон Лиственников, кандидат биологических наук сорока двух лет от роду, не помнил, когда в последний раз держал женскую ладонь. Из достоверного вспоминалась лишь научная руководительница: после защиты кандидатской в девяносто восьмом году она неловко приобняла его, пахнув нафталином и валокордином, и сразу спросила, сдал ли он ключ от препараторской.

Василий остановился.

Он посмотрел на дату в своей тетради: 14.X.1971. Затем снова прочёл «в девяносто восьмом». Может быть, в тысяча восемьсот? Но тогда при чём здесь кандидатская и ключ от

препараторской?

На полях тетради он поставил вопросительный знак. Ниже приписал: «Опечатка». После этого читать стало легче.

С тех пор телесность являлась Тихону преимущественно в виде вегетативных органов размножения, латинских биноминалов и подробных схем перекрёстного опыления в немецких фолиантах. Каждый вечер он убирал со стола чашку Алевтины, старшего лаборанта кафедры почвоведения. На краю оставался коричневатый след помады. Тихон мыл чашку, ставил сушиться ручкой вправо и испытывал облегчение, за которым неизменно приходила тоска.

Но больше всего Тихона мучила ризома.

Проклятые французы Делёз и Гваттари, чью работу «Тысяча плато» он читал по ночам до рези в глазах, утверждали: у корневища нет центра. Нет начала, конца и генеральной линии — лишь беспорядочное разрастание связей, побегов и возможностей.

Тихон закрывал книгу. Вставал. Проверял, не оставлен ли открытым водопроводный кран. Возвращался и читал ту же страницу.

Как можно было работать, если начало разрешалось выбирать где угодно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.